2 из 3.

НЕ В ТОМ КЛЮЧЕ

Хорошее это дело — молодежный спектакль! Спектакль, посвященный юношеству, первым шагам, которые делает молодой человек по жизни. Спектакль, в котором заняты молодые актеры, поставленный начинающим режиссером. И, как правило, молодой, искренний, свежий...

Но всегда ли молодежная постановка обладает подлинной творческой молодостью? Увы, нет! И вот наглядный пример.

Малый театр поставил пьесу молодого латышского драматурга Г. Приеде «Лето младшего брата», герой которой недавно окончили школу. В спектакле заняты совсем молодые актеры. А режиссерская работа А. Масленникова может считаться его профессиональным дебютом.

Но истинная молодость спектакля определяется не таким формальным признаком, как возраст исполнителей, постановщиков, персонажей произведения. Такой спектакль должен обладать определенными отличительными чертами и прежде всего нести молодость, неуемность творческих поисков, юношеский задор.

В спектаклях, полных молодого горения, могут быть творческие удачи и обидные просчеты, но не должно быть ни холодного равнодушия, ни ремесленнической рационалистичности.

Спектакль Малого театра — «молодежный», однако лишен подлинной молодости. Кто тому виной? Проще всего было бы обвинить во всех бедах драматурга, тем более что он молод и во многом неопытен. Однако возводить такого рода обвинения на Г. Приеде несправедливо. Писатель попытался — и во многом удачно — раскрыть в своей пьесе истинные жизненные противоречия, своеобразно показать формирование юношеских характеров. И хотя сюжет пьесы непритязателен, в ней много подлинной поэзии, свежести.

В ответственный поход собрался главный герой пьесы восемнадцатилетний Угис Даугавиетис, прозванный Малышом: он пошел в самостоятельную жизнь. В его заплечном мешке груз теоретических знаний и практическая неопытность, юношеская нетерпимость и категоричность суждений, детская запальчивость и ребячья обидчивость, наивная мечтательность и по-взрослому серьезная самоотверженность. С бо́льшей частью этой ноши Угис расстается в первое же свое трудовое лето, зато многое необходимое для жизни ему приходится прихватить по дороге.

Приеде развертывает перед нами постепенный рост характера Угиса; показывает, как школяр превращается во взрослого техника-строителя, и — что еще важнее — в хорошего человека.

Все эти превращения произошли в одно лето, поэтичное и незабываемое. «Тебе восемнадцать — такое лето бывает однажды. Оно неповторимо», — говорит Рудольф, товарищ Угиса. Да, Малыш запомнит эти дни на всю жизнь. Запомнит горечь своих первых трудовых неудач, запомнит недоверие колхозников, вызванное необдуманностью его суждений; не забудет он и горе неразделенной любви... Но память Угиса сохранит также и радость трудовых успехов, и гордое ощущение своей необходимости людям.

За путевку в жизнь Угис заплатил сполна, по высокому счету! Об этом Приеде рассказывает в лирической манере, мягко, задушевно. В Малом же театре мягкая интонация, раздумчивость оказались утраченными. Произошло это потому, что режиссер не нашел верного тона для спектакля, подменил поэтическую молодость героев чуждой им нарочитой разухабистостью. В спектакле действуют юноши и девушки, как бы сошедшие с плакатов или даже со страниц модных журналов. На сцене все празднично, все разукрашено. И все же, видимо, скучно героям в этих чистеньких интерьерах и «пейзанских» ландшафтах — уж очень все здесь безоблачно! А ведь куда трудней и в то же время значительней их жизнь в пьесе. Герои там смело шагают по жизни, порой спотыкаются, ушибаются, но всегда встают, борются за достижение своих целей; их борьба тяжела, упорна. Все это осталось за пределами спектакля, который походит на пьесу, как раскрашенная фотография на акварель. Как будто остались те же ситуации, те же имена, характеристики, но что-то утрачено.

Приемы, которыми пользовался режиссер Масленников, чужды авторской манере. Было бы смешно говорить, что режиссер, готовивший полгода спектакль, не понял авторского замысла. Не так уж сложен этот замысел! Неудача не в этом. Очевидно, творческая индивидуальность Масленникова-режиссера не совпала с художественной манерой Приеде-драматурга.

«Прежде чем приступать к работе над пьесой, проверьте себя: не нравится до конца автор — не ставьте его пьесу. Но не насилуйте его творчество...», — говорил К. С. Станиславский. Режиссер Малого театра, видимо, не имел мужества отказаться от постановки пьесы, которая была далека от его художественных устремлений. Очевидно, режиссерской индивидуальности Масленникова ближе цвета броские, сочность письма маслом, а не акварельные краски.

Наверное, поэтому отрицательные персонажи — Моника (арт. В. Архангельская) и счетовод Ояр Круклайс (арт. Б. Попов), данные в чуть гротесковой манере, удались в спектакле куда больше, чем психологически тонкая линия Угиса и Даце. Достаточно привести один пример. Приеде оставляет право за читателем додумать, понять, в чем сущность взаимоотношений этих молодых людей. Именно так должен был развертывать эту линию и театр — тактично, ненавязчиво. Однако в постановке все иначе. Судя по спектаклю, не только Угис любит Даце, но и девушка полюбила молодого техника-строителя. Во всяком случае артистка М. Седова и режиссер подчеркивают это неоднократно; мизансцены строятся так, чтобы зритель мог яснее ощутить глубину ее «лирических переливов». То ревниво, то мечтательно, то восторженно смотрит девушка на своего Угиса. Но вдруг через несколько сцен оказывается, что Угис-то вовсе не ее, что любит она Карлиса, за которого и собирается выйти замуж. Что же, Даце — кокетка, с легкостью «завлекающая» поклонников? Но ведь замысел автора был другим! Театр же, не разобрав тонких и сложных взаимоотношений персонажей пьесы, не задумавшись над их душевными сомнениями, колебаниями, решил все просто, «в лоб», а значит, и неверно.

Поскольку весь спектакль идет в тональности, чуждой пьесе, говорить о творческих удачах актеров трудно. Почти в каждой роли есть какие-то просчеты, незавершенности. Есть эти недочеты и у Н. Подгорного — исполнителя главной роли, но есть у него и много достоинств. Одаренный актер, он принес на сцену молодость, живую мысль, постоянную творческую активность. Угис действительно думает на сцене, чувствует, переживает. Образ не только развивается, но и получает новую неожиданную окраску. Возмужание приходит к Малышу постепенно, от картины к картине. Сначала он — от мальчишеской робости, от неуверенности в своих силах — сдержан и резок с окружающими. В финале Угис подтянут, собран, но теперь это уже не поза, это сдержанность взрослого человека, у которого за скупостью фразы — обилие мыслей, а может быть, и горечь от пережитого. Единственно хотелось бы, чтобы и в этих сценах у него не исчезал юношеский задор: ведь ему все же только восемнадцать!

О достоинствах спектакля говорить почти нечего, о просчетах же его сказано достаточно: Пьеса прочитана театром в чуждом произведению ключе. От этого — все беды.

М. КВАСНЕЦКАЯ.

«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
29 декабря 1956 г. 3 стр.